Гилинский Я.И.♦

Современное состояние и перспективы российской криминологии

Аннотация: В статье рассматривается состояние современной российской криминологии как этапа ее развития. Отмечаются достижения и существенные недостатки в развитии современной отечественной криминологической мысли. Прогнозируются возможные ее перспективы.

Ключевые слова: криминология; этапы развития российской криминологии; состояние постсоветской криминологии, ее перспективы.

There are many criminologies
and many criminologists.
Ray Michalovskj

Оценить состояние и перспективы развития науки, в т.ч. криминологии, в той или иной стране можно лишь проследив ее прошлое и сравнив с состоянием и перспективами мировой науки. С этого кратко и начнем.

Немного истории

История отечественной криминологии в соответствии с общественно-политическими условиями, влияющими на ее развитие, может быть несколько условно разделена на несколько периодов:

от первых идей (начало XIX в.) до 1917 г. («царский период»);

с 1917 г. до начала 1930-х гг. (ранний советский период);

с начала 1960-х до конца 1980-х гг. (поздний советский период);

с начала 1990-х гг. до наших дней (постсоветский период).

Лакуна с начала 1930-х до начала 1960-х гг. минувшего века образовалась в годы сталинского тоталитарного режима, когда какие бы то ни было труды в области криминологии оказались невозможны.

Развитие российской криминологии до 1917 г. характеризуется наличием всех трех основных направлений позитивистской криминологии: биологического (антропологического) – труды Д.А. Дриля, В.Ф. Чижа, С.Н. Данилло и др.; психологического (прежде всего – Л.И. Петражицкий); и социологического (М.Н. Гернет, И.Я. Фойницкий, Х.М. Чарыхов, Е.Н Тарновский, А.А. Жижиленко и др.). При этом господствующим был

♦**Гилинский Яков Ильич** - доктор юридических наук, профессор Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Россия).

социологический подход, включая многофакторный.

Нельзя не отметить либеральные взгляды тогдашней отечественной профессуры по проблемам наказания. М.Н. Гернет, М.В. Духовской, А.А. Жижиленко, И.Я. Фойницкий, а также А.Ф. Кистяковский, П.И. Люблинский, Н.С. Таганцев, В.Д. Спасович и многие другие выступали против жестокости наказания, против смертной казни [2]. Они отстаивали приоритет предупреждения преступлений путем решения социальных проблем.

В ранний советский период еще продолжаются основные тенденции развития отечественной криминологии. Активно разрабатывается социологическое направление, проводятся эмпирические исследования. По инициативе М.Н. Гернета в 1918 г. создается отдел «моральной статистики» в Центральном статистическом управлении (ЦСУ). Развивается отечественная пенитенциарная криминология (М.Н. Гернет, Е.Г. Ширвиндт, А.Я. Эстрин и др.). Постепенно все большее внимание уделяется изучению «личности преступника», ибо, согласно политической доктрине, в социалистическом обществе не может быть социальных причин преступности… Большую роль в такого рода исследованиях сыграли кабинеты по изучению преступника и преступности. Первый из кабинетов был создан в 1918 г. в Петрограде. В Москве в 1925 г. был открыт Государственный институт по изучению преступности и преступника, подчинивший ранее разобщенные кабинеты, ставшие его филиалами.

Сталинский режим привел de facto к запрету криминологии, наряду с социологией, генетикой, кибернетикой и другими «буржуазными лже-науками». Многие ученые оказались в ГУЛАГе…

С хрущевской «оттепели» начинается постепенное возрождение криминологии. Поздний советский период характеризуется, с одной стороны, активизацией криминологических исследований. Первые шаги – книги А.Б. Сахарова, А.А. Герцензона, В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Н.Ф. Кузнецовой, А.М. Яковлева; открытие Всесоюзного института по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений (1963); начало преподавания курса криминологии в МГУ и ЛГУ (1964). Под руководством А.Б. Сахарова в 1970-е гг. проводится первое крупномасштабное (на базе двух областей России – Орловской и Кемеровской) эмпирическое криминологическое исследование социальных условий преступности. Совершенствуется методология и методика эмпирических исследований (Г.А. Аванесов, Ю.Д. Блувштейн, С.Е. Вицин, А.В. Добрынин, Г.И. Забрянский и др.).

В Москве на базе ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР проходят криминологические семинары под руководством А.Б. Сахарова, а позднее – А.И. Долговой.

С 1987 г. начинает функционировать ежегодный Балтийский криминологический семинар, объединивший криминологов Латвии, Литвы, России, Эстонии, и проходящие поочередно в Эстонии, Латвии, Литве, Ленинграде / Санкт-Петербурге. Позднее, с начала 1990-х годов, в этих семинарах принимают участие криминологи других стран – Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Канады, Норвегии, Польши, США, Франции, Чехии.

С другой стороны, все еще сохраняется сильный идеологический пресс. Уголовная статистика «закрыта», писать о социальных причинах преступности в социалистическом обществе не рекомендуется. Результаты эмпирических исследований если и публикуются, то с грифами «секретно» или – в лучшем случае – «для служебного пользования» (ДСП).

Нередко приходилось «хитрить»: публиковать результаты исследования в Эстонии, где цензура была мягче, чем в РСФСР; результаты одного и того же исследования публиковать «дозировано» в разных изданиях (две цифры в Эстонии, две – в Иркутске, одну – в Ленинграде)…

Постсоветский период, с моей точки зрения, включает два этапа.

Первый – с начала 1990-х до середины 2000-х годов.

Второй – с середины 2000-х годов до настоящего времени. Остановимся на этом подробнее, т.к. это – постсоветское – время определяет состояние современной российской криминологии и в то же время закладываются основы ее дальнейшего развития (прогресса / регресса).

Состояние современной российской криминологии

Первый этап отличается бурным развитием криминологии. С конца 1980-х - начала 1990-х гг., благодаря горбачевской «перестройке», впервые за много лет появилась возможность свободно, без оглядки на «партию и правительство», без цензурных ограничений проводить исследования, публиковать их результаты, отстаивать собственную научную позицию. Горбачевская «перестройка» сняла все путы, мешавшие развитию науки.

Во-первых, появился доступ к уголовной статистике. В 1990 и 1991 гг. выходят первые статистические сборники «Преступность и правонарушения в СССР» со статданными по каждой республике и в целом по СССР, начиная с 1961 г. И эти сборники можно было купить в обычных книжных магазинах! В 1992 г. выходит первый статистический сборник «Преступность и правонарушения» в РФ. С тех пор эти ежегодные сборники можно было получить, направив запрос в ГИЦ МВД РФ или «достать по знакомству».

Забегая вперед - ко второму этапу постсоветского периода, следует с горечью заметить, что после 2008 г. достать подобный сборник стало невозможно. Да и издаются ли они? Снова возвращаемся к «секретным» публикациям?

Во-вторых, стало возможным проводить полноценные эмпирические криминологические исследования, в т.ч. компаративистские с зарубежными партнерами. Назову только некоторые из них (исследований), известных мне. Да простят меня те коллеги, чьи исследования прошли мимо меня.

В 1991 г. выходят из печати материалы комплексных исследований преступности в Эстонии [3] и Ленинграде [4].

Г.И. Забрянский (Москва) проводит серию фундаментальных эмпирических исследований преступности несовершеннолетних, результаты которых отражены в ряде монографий [5].

Петербургские ученые (В. Афанасьев, Я. Гилинский) принимают участие в многолетнем сравнительном международном исследовании преступности и других девиантных проявлений в странах Балтийского региона. Результаты изложены в серии публикаций [6].

В начале 1990-х годов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области по заданию ГУВД было организовано комплексное эмпирическое исследование тяжких насильственных преступлений (Ю. Аврутин, Б. Волженкин, Я. Гилинский и др.) с анализом статистики, изучением материалов уголовных дел, опросом осужденных за исследуемые преступления и психологическим тестированием этих осужденных. Результаты лишь частично публиковались в ведомственных изданиях.

В Санкт-Петербурге на протяжении ряда лет проводились эмпирические исследования организованной преступности. При этом исследователи (Я. Гилинский, Я. Костюковский и др.) брали многочисленные интервью у сотрудников бывшего Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП), Управления собственной безопасности (УСБ), бизнесменов и членов преступных группировок, «перепроверяя» полученные данные из различных источников. Результаты исследования публиковались в отечественных и зарубежных изданиях [7].

Серия исследований организованной преступности, коррупции, экономических преступлений осуществлялась под руководством профессоров А.И. Долговой (Москва), Н.А. Лопашенко (Саратов), В.А. Номоконова (Владивосток), А.Л. Репецкой (Иркутск).

Большое эмпирическое исследование наркопотребления и наркопреступности было проведено в Татарстане под руководством профессора Ю.Ю. Комлева [8].

В 2004-2005 годах в пяти регионах России (Санкт-Петербург, Псков, Нижний Новгород, Коми Республика, Чита) осуществлялось сравнительное эмпирическое исследование пыток в правоохранительных органах. При этом опрашивались население названных регионов, заключенные в колониях, эксперты. Результаты исследования (К. Белоусов, Я. Гилинский, В. Гольберт, Я. Костюковский, Э. Кочетков и др.) были опубликованы [9].

Фундаментальное исследование латентной преступности за 2001-2009 годы проведено под руководством профессора С.М. Иншакова (Москва) [10].

В-третьих, российские криминологи начали принимать участие в международных конференциях и конгрессах и приглашать зарубежных коллег на российские встречи. Так, с 2001 г. в различных европейских странах проходят ежегодные конференции Европейского общества криминологов. На всех прошедших четырнадцати конференциях выступали российские ученые (Гилинский Я.И, Гуринская А.Л., Петровский А.В., Салагаев А.Л. и др.). Участвовали отечественные криминологи и в работе Мировых криминологических конгрессов (Сеул, Рио-де-Жанейро, Барселона, Кобе).

В свою очередь, в работе международных конференций, организованных в России, принимали участие коллеги из стран Европы, США, Японии. Это относится и к Балтийским криминологическим семинарам/конференциям, и к конференциям на территории России по итогам совместных исследований (организованной преступности, наркопотребления, деятельности милиции/полиции), и к иным международным конференциям, проводимым в Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Владимире, Иркутске, Саратове.

При тесном сотрудничестве с российскими криминологами зарубежные коллеги изучали российскую организованную преступность, наркотрафик, публикуя результаты исследований [11].

В-четвертых, на основе анализа статистики, результатов эмпирических исследований, знакомства с зарубежными работами отечественные криминологи создают фундаментальные труды, отражающие достижения отечественной криминологии [12].

На втором этапе, с середины двухтысячных годов наблюдается накопление трудностей в развитии отечественной криминологии.

Как уже отмечалось, отсутствуют публикуемые и доступные достаточно полные статистические сведения о преступности, ее видах, в разрезе российских регионов, о жертвах преступлений и т.п., хотя бы в рамках ранее известных статистических сборников «Преступность и правонарушения». Без полных и доступных данных уголовной статистики принципиально невозможен криминологический анализ и прогноз изменений преступности и ее видов.

Парадоксально, но статистика преступности зарубежных стран намного доступнее и полнее российской [13].

Существенно затруднено проведение эмпирических криминологических исследований. Отсутствуют заказ, финансирование, достаточное количество квалифицированных кадров, коллективов, имеющих опыт проведения таких исследований. Следует подчеркнуть, что отсутствие бюджетного финансирования в вузах и институтах РАН и отток молодых талантливых специалистов теснейшим образом взаимосвязаны. Возможны ведомственные исследования, но их результаты малоизвестны или не известны криминологическому сообществу. Между тем, свыше 90% всех докладов иностранных коллег на международных конференциях и конгрессах основаны на анализе результатов национальных или международных эмпирических исследований. Без них невозможно проверить, подтвердить или опровергнуть те или иные теоретические положения.

Резко сократилось участие российских криминологов в зарубежных конференциях и конгрессах, а также участие иностранных коллег на российских конференциях. И это не удивительно, так как прекращено (за редким исключением) бюджетное финансирование зарубежных научных поездок российских ученых. Значительно реже, чем раньше, иностранные коллеги приглашаются на конференции в Россию. Что касается грантовй поддержки, то ее возможности также минимизированы после изгнания из России Фонда Сореса, резкого сокращения возможностей Фонда Маккартуров и Фонда Форда, да и отечественных фондов.

Практически отсутствуют и компаративистские исследования совместно с иностранными коллегами. Между тем, изоляционизм противопоказан любой науке.

Конечно, научная деятельность в области криминологии не прекратилась, но она ограничивается в основном написанием статей, учебников, монографий и преподавательской деятельностью. Отечественная криминология, бурно развивавшаяся в 1990-е годы и в первой половине 2000-х годов, начинает существенно отставать в своем развитии.

Наука в обществе постмодерна

Для осознания современной ситуации с наукой надо понять, что мы живем в совершенно новом мире, в совершенно новой реальности – в обществе постмодерна. Это плохо осознается (или совсем не осознается) большинством населения нашего единого, но фрагментарного мира. Хуже (и опаснее) того, - это не понимается правителями, властями (и не только российскими).

У нас появились неограниченные возможности (за несколько часов переместиться в любую точку планеты; побеседовать в скайпе с приятелем,

находящимся в Австралии или Японии; молниеносно отреагировать на любую новость, высказавшись - «на весь свет» - в интернете) и неограниченные риски, вплоть до тотального самоуничтожения - омницида… Общество постмодерна есть общество возможностей и рисков (вспомним У. Бека).

Отметим лишь те особенности общества постмодерна, которые важны для нашей темы.

Глобализация всего и вся - финансовых, транспортных, миграционных, технологических потоков. Соответственно происходит глобализация преступности (прежде всего – организованной). Как результат массовой миграции неизбежен «конфликт культур» [14] и цивилизаций со всеми вытекающими криминогенными последствиями.

Это требует «глобализации» науки, в т.ч. криминологии. Если вообще любая наука интернациональна, то тем более необходимо объединение усилий криминологов разных стран в сравнительном изучении как «национальной» преступности, так и международной (торговля наркотиками, торговля людьми, торговля органами, торговля оружием, терроризм, киберпреступность и др.). Изоляционизм смертельно опасен для любой науки.

«Виртуализация» жизнедеятельности. Мы шизофренически живем в реальном и киберпространстве. Без интернета, мобильников, смартфонов и прочих IT не мыслится существование. Происходит глобализация виртуализации и виртуализация глобализации. Как одно из следствий этого – киберпреступность и кибердевиантность. Есть основание предполагать, что снижение уровня преступности и большинства ее видов во всем современном мире является следствием, во-первых, «ухода» основного субъекта уличной преступности (street crime) - подростков и молодежи - в Интернет, и, во-вторых, «замещения», «вытеснения» традиционной преступности высоко латентной и мало изученной киберпреступностью [15].

Релятивизм/агностицизм. История человечества и история науки приводят к отказу от возможности постижения «окончательной истины». Очевидна относительность любого знания (включая криминологическое). Как известно, «есть много истин, нет Истины». Подтверждается «принцип дополнительности» Н. Бора. Господствует полипарадигмальность. «Постмодернизм утверждает принципиальный отказ от теорий» [16]. Бессмысленна попытка «установления истины по делу» (уголовному, в частности). «Сама "наука", будучи современницей Нового времени (модерна), сегодня, в эпоху постмодерна, себя исчерпала» [17].

Это не означает отказа от познания своего предмета, но предостерегает от поиска и утверждения «единственно верной» теории, от «зацикленности» на уже известном. Это означает необходимость освоения достижений мировой

криминологии, современных теоретических построений и эмпирическую проверку различных – отечественных и зарубежных концепций и моделей.

Консьюмеризация сознания и жизнедеятельности приводит к «гуманизации преступности» (В.В. Лунеев), преобладанию корыстной преступности, как «уличной» (кражи, грабежи, разбои), так и «беловоротничковой» (экономической, должностной, коррупционной), в общем объеме преступлений. Это общемировая тенденция. В России, например, доля преступлений против собственности увеличилась с 43,4% в 1987 г. до 65,8% в 2006 г. «Общество потребления» характеризуется и некриминальными, но негативными способами обогащения – от проституции до «теневой экономики». При этом провести четкую правовую границу между нелегальным предпринимательством и неформальной экономической деятельностью практически невозможно [18].

Вообще фрагментаризация общества постмодерна, сопутствующая процессам глобализации, а также взаимопроникновение культур приводят к определенному размыванию границ между «нормой» и «не-нормой», к эластичности этих границ. И это должно входить в предметную область криминологии. Новые поколения эпохи постмодерна весьма скептически относятся ко многим запретам, «придуманным» старшими поколениями, живущими в новом обществе. Конфликт поколений – дело не новое. Но стремительные как никогда социальные, экономические, политические, культурные изменения порождают воистину небывалый в истории человечества разрыв между поколениями. Стоящие у власти представители старших поколений пытаются подчас все новыми и новыми запретами (уголовными, административными, дисциплинарными) сохранить свои представления о мире и обществе, что явно неприемлемо для новых поколений. Вообще, с точки зрения автора этих строк, запреты нередко служат существенным криминогенным (девиантогенным) фактором [19].

Неэффективность (более того, минусовая, отрицательная эффективность) наказания хорошо известна. «Кризис наказания» вполне осознан в эпоху постмодерна [20]. В частности, «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто "не видит" чем ее заменить. Она – отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись» [21]. Да, пока не обойтись. Но стремиться к этому нужно. «Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы… Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны… Наказание – это очевидный расход и неявная выгода… Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно

является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» [22].

В этом отношении весьма креативна мысль «культуральной криминологии» о том, что не только преступность есть порождение культуры данного общества, но и средства, методы социального контроля над ней [23]. Поэтому, очевидно, есть тюрьмы Норвегии, Швеции, Финляндии и - колонии России; смертная казнь отменена в европейских странах, но сохраняется в США, и ежегодно тысячами казнят в Китае.

Мировая криминология ломает голову над тем, как минимизировать негативные для общества последствия наказания. 35-45% всех докладов на мировых криминологических конференциях и конгрессах посвящены проблеме наказания как одному из способов противодействия преступности. Российской криминологии следует активно подключиться к решению этой головоломки.

Перспективы российской криминологии

Предпринятый краткий анализ истории и настоящего российской криминологии позволяет сделать два противоречивых вывода.

С одной стороны, отечественная криминология имеет необходимую теоретическую и кадровую базу дальнейшего развития. При всех сложностях современного этапа подготовки квалифицированных кадров через систему магистратуры и аспирантуры, при отсутствии материальной заинтересованности молодых специалистов самореализоваться в научной деятельности (степень материальной обеспеченности профессуры служит не лучшим наглядным примером), есть молодые криминологи, проявляющие неплохие задатки и качества настоящего ученого.

С другой стороны, резкое de facto ограничение номенклатуры публикуемой уголовной статистики; резкое de facto ограничение взаимодействия отечественных и зарубежных исследователей; финансовая, материальная непривлекательность труда ученого-криминолога для молодых исследователей при неизбежном старении высококвалифицированных криминологов старших поколений; политика изоляционизма, противоречащая всем требованиям современного общества, общества постмодерна - приводят к постепенному, но весьма существенному отставанию российской криминологии от велений времени, от мейнстрима мировой криминологической мысли.

Библиография

1. Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. - Л.: ЛВШ МВД, 1991.

2. Гилинский Я. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009, №3. – С. 302-311.

3. Гилинский Я. Криминологии: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. - СПб: Питер, 2002.

4. Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд. – СПб: Алеф-Пресс, 2014.

5. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. - М.: РКА, 2003.

6. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. - М.: Проспект, 2009.

7. Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. - Минск: Минскгиппроект, 1997.

8. Забрянский Г.И. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности. - М.: Рудомино, 2000.

9. Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних. - М.: Граница, 2013

10. Забрянский Г.И., Емельянова Л.В. Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году. Аналитический обзор. - М.: Penal Reform International, 2000.

11. Квашис В.Е. Смертная казнь: Мировые тенденции, проблемы и перспективы. - М.: Юрайт, 2008.

12. Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. - Казань: Новое знание, 2005.

13. Комлев Ю.Ю., Садыкова Р.Г. Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования. - Казань: КГУ, 2003.

14. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного периода. – М.: Гардарики, 2002.

15. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. - М.: Юристъ, 2003.

16. Латентная преступность в Российской Федерации. 2001-2006 / ред. С.М. Иншаков. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.

17. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Wolters Kluwer , 2009.

18. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2-х томах. - М.: Юрайт, 2011.

19. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. – М.: Wolters Kluwer, 2005.

20. Побегайло Э.Ф. Избранные труды СПб: Юридический центр Пресс, 2008.

21. Селлин Т. Конфликт норм поведения. - В: Социология преступности. - М.: Прогресс, 1966. – С. 282-287.

22. Смертная казнь: За и против. - М.: Юридическая литература, 1989.

23. Социология насилия: произвол правоохранительных органов глазами граждан. - Нижний Новгород: Комитет против пыток , 2007.

24. Спиридонов Л.И. Избранные произведения.- СПб, 2002.

25. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / ред. С.М. Иншаков. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.

26. Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория – анализ – модели. - М.: РГГУ, 2008.

27. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.

28. Ядов В.А. Современная теоретическая социология. - СПб: Интерсоцис, 2009.

29. Яковлев А.М. Социология преступности (Криминология). Основы общей теории. – М.: МНЮИ, 2001.

30. Bäckman J. The Inflation of Crime in Russia. – Helsinki: NRILP, 1998.

31. Biss C. Alkoholkonsum und Trunkenheitsdelikte in Russland mit vergleichenden Bezügen zu Deutschland. – Hamburg: Lit Verlag, 2006.

32. Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. - SAGE, 2008.

33. Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. - Oxford University Press, 2003.

34. Gilinskiy Y. Organized Crime: A Perspective from Russia. In: Albanese J., Das D., Verma A. (Eds.) Organized Crime: World Perspectives. - Prentice Hall, 2003, - pp.146-164.

35. Gilinskiy Y., Kostjukovsky Y. From Thievish Artel to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia. In: C. Fijnaut, L. Paoli (Eds.) Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. - Springer, 2004. Vol. 4, – pp.181-202.

36. Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010.

37. Home Office Statistical Bulletin. – London: Home Office, 2013.

38. Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. A Study around the Baltic Sea – Helsinki: NAD Publication N 35, 1998.

39. Laskowska K. Rosyjskojezyczna przestepczosc zorganizowana. – Bialystok: Femida 2, 2006.

40. Leps A. Kuritegevus Eestis. - Tartu:Űlikool, 1991 (на эстонском, английском и русском языках).

41. Paoli L. Illegal Drug Trade in Russia. – Freiburg i. Br.: MPI, 2001.

42. Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2012. - Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 2013.

43. Presdee M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime. - Routledge, 2000.

44. Public Opinion on Social Problems. A Survey around the Baltic Sea. – Helsinki: NAD Publication N36, 1998.

45. Siegmunt O. Krimenelle Russen, krimenelle Deutsche. Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld. - Berlin: WVB, 2013.

46. Social Problems around the Baltic Sea. - Helsinki: NAD Publication N21, 1992.

47. Social Problems in Newspapers. Studies around the Baltic Sea. - Helsinki: NAD Publication N28, 1994.

48. Statistics on Alcohol, Drugs and Crime in the Baltic Sea Region. – Helsinki: NAD Publication N37, 2000.

---

[1] Опубликовано в: Российский журнал правовых исследований. 2015, № 1. С. 175-181.

[2] См. в: Смертная казнь: За и против. - М.: Юридическая литература, 1989.

[3] Leps A. Kuritegevus Eestis. - Tartu:Űlikool, 1991 (на эстонском, английском и русском языках).

[4] Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. - Л.: ЛВШ МВД, 1991.

[5] Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних.- Минск: Минскгиппроект, 1997; Он же. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности.- М.: Рудомино, 2000; Он же. Криминология несовершеннолетних. - М.: Граница, 2013; Забрянский Г.И., Емельянова Л.В. Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году. Аналитический обзор. - М.: Penal Reform International, 2000.

[6] Social Problems around the Baltic Sea. - Helsinki: NAD Publication N21, 1992; Social Problems in Newspapers. Studies around the Baltic Sea. - Helsinki: NAD Publication N28, 1994; Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. A Study around the Baltic Sea – Helsinki: NAD Publication N 35; 1998; Public Opinion on Social Problems. A Survey around the Baltic Sea. –

Helsinki: NAD Publication N36, 1998; Statistics on Alcohol, Drugs and Crime in the Baltic Sea Region. – Helsinki: NAD Publication N37, 2000.

[7] Гилинский Я. Криминологии: теория, история, эмпирическая база, соци альный контроль. - СПб: Питер, 2002 (2-е издание: СПб: Юридический центрПресс, 2009; 3-е издание: СПб: Алеф-Пресс, 2014) , а также: Gilinskiy Y. Organized Crime: A Perspective from Russia. - In: Albanese J., Das D., Verma A. (Eds.) Organized Crime: World Perspectives. - Prentice Hall, 2003, -pp.146-164; Gilinskiy Y., Kostjukovsky Y. From Thievish Artel to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia. - In: C. Fijnaut, L. Paoli (Eds.) Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. - Springer, 2004. Vol. 4, – pp.181-202; и др.

[8] Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. - Казань: Новое знание, 2005; Комлев Ю.Ю., Садыкова Р.Г. Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования. - Казань: КГУ, 2003.

[9] Социология насилия: произвол правоохранительных органов глазами граждан. - Нижний Новгород: Комитет против пыток , 2007.

[10] Латентная преступность в Российской Федерации. 2001-2006 / ред. С.М. Иншаков. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / ред. С.М. Иншаков. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.

[11] Например: Bäckman J. The Inflation of Crime in Russia. – Helsinki: NRILP, 1998; Biss C. Alkoholkonsum und Trunkenheitsdelikte in Russland mit vergleichenden Bezügen zu Deutschland. – Hamburg: Lit Verlag, 2006; Laskowska K. Rosyjskojezyczna przestepczosc zorganizowana. – Bialystok: Femida 2, 2006; Paoli L. Illegal Drug Trade in Russia. – Freiburg i. Br.: MPI, 2001; Siegmunt O. Krimenelle Russen, krimenelle Deutsche. Zur Jugendkriminalität im Hell-und Dunkelfeld. - Berlin: WVB, 2013. Во всех перечисленных трудах выражается благодарность российским коллегам за участие и помощь в проведении исследований.

[12] Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. - М.: РКА, 2003; Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних. - М.: Граница, 2013; Квашис В.Е. Смертная казнь: Мировые тенденции, проблемы и перспективы. - М.: Юрайт, 2008; Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного периода. – М.: Гардарики, 2002; Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. - М.: Юристъ, 2003; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Wolters Kluwer, 2009; Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2-х томах. - М.: Юрайт, 2011; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские

тенденции. 2-е изд. – М.: Wolters Kluwer, 2005; Побегайло Э.Ф. Избранные труды. - СПб: Юридический центр Пресс, 2008; Яковлев А.М. Социология преступности (Криминология). Основы общей теории. – М.: МНЮИ, 2001, и многие другие. Автор льстит себя надеждой, что и его «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль» (издания 2002, 2009, 2014 гг.) может занять место в этом перечне.

[13] Например: Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. -Helsinki: HEUNI, 2010; Home Office Statistical Bulletin. – London: Home Office, 2013; Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2012. - Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 2013.

[14] Селлин Т. Конфликт норм поведения. - В: Социология преступности. - М.: Прогресс, 1966. – С. 282-287.

[15] См. об этом: Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд. – СПб: Алеф-Пресс, 2014. – С.69-72.

[16] Ядов В.А. Современная теоретическая социология. - СПб: Интерсоцис, 2009. - С.20.

[17] Спиридонов Л.И. Избранные произведения.- СПб, 2002. - С. 25.

[18] См.: Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория – анализ – модели. - М.: РГГУ, 2008.

[19] Гилинский Я. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009, №3. – С. 302-311.

[20] Обзор в: Гилинский Я. Криминология (2014). - С.404-410.

[21] Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. - С.339.

[22] Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. - М.: Проспект, 2009. - С. 9, 15, 18, 56, 68.

[23] Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. - SAGE, 2008; Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. - Oxford University Press, 2003; Presdee M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime. - Routledge, 2000.